

А.В. МАЛИНОВ

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет,*

И.Ю. ПЕШПЕРОВА

*Кандидат юридических наук, профессор
Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,*

ГРАНИЦА И МЕТОД

В статье рассматривается методологическое значение понятия «границы» для познания социо-культурной реальности. Показано, что плодотворное использование понятия «границы» применяется при исследовании пространственного, временного, ценностного и экзистенциально-психологического измерений культуры. Пространственная интерпретация границы содержательно раскрывается при анализе социально-политической реальности, так, например, граница государства представляет собой подвижный фронт, пульсирующий «вокруг» центра (столицы). Культурологическому истолкованию поддаются такие «административные единицы» как край и область, презентующие региональные культуры и диалектически проводящие границы (центр vs провинция) внутри более крупного цивилизационного целого. Социальная разметка культуры предполагает деление общества на страты, классы, касты, сословия, состояния. Временное истолкование границы выступает условием необратимости процессов, дискретности времени. Ценностное измерение границы отражается в понятиях формы, нормы и канона. Экзистенциально-психологическое значение границы проявляется не столько в «нормальных», сколько в «пределных», «переходных» и даже «измененных» состояниях сознания. Вывод статьи состоит в признании того, что «граница» не является универсалией, т. е. общим понятием, а понятием ориентационным, позволяющим мыслить отношения, а не сущности. Граница помогает человеку осознавать свою посюсторонность, создает иллюзию смысла и в этом отношении ее можно считать мифологической конструкцией.

Ключевые слова: граница, область, регион, период, эпоха, смысловая определенность, метод, состояние, страта, дискретность, сознание.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ (16-03-00442).

A.V. MALINOV

*Doctor of Philosophy, Professor
Saint-Petersburg State University*

I.YU. PESHPEROVA

PhD in Jurisprudence, Professor

North-West Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration,

LIMITS AND METHODS

The article discusses the methodological meaning of the concept of «border» to the knowledge of the socio-cultural reality. It is shown that the effective use of the concept of «border» applied in the study of spatial, temporal, value and existential and psychological dimensions of culture. Spatial interpretation of the boundary is revealed in the analysis of socio-political reality, for example, the state border is a mobile frontier pulsating «around» the center (capital). Culturological interpretation yields such «administrative units» as the region and region, presenting regional cultures and dialectically conducting borders (center vs province) within a larger civilizational whole. Social marking of culture involves the division of society into strata, classes, castes, estates, and fortunes. The temporal interpretation of the boundary is a condition for the irreversibility of processes, the discreteness of time. The value measurement of the boundary is reflected in the concepts of form, norm and canon. The existential-psychological significance of the border is manifested not so much in the «normal», as in the «ultimate», «transitional» and even «altered» states of consciousness. The conclusion of the article is the recognition that the «border» is not universal, that is common to the concept, and the concept of orientation that allows to think relationship, not the essence.

Keywords: boundary, region, period, epoch, semantic certainty, method, state, stratum, discreteness, consciousness.

This work was supported by Grant RGNF (16-03-00442).

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.
Н.С. Гумилёв*

Культурно-исторический опыт XX в. дает богатый материал для изучения процессов маргинализации, изолирования и вытеснения культурных явлений, формирования так называемых «зон культурного отчуждения» (термин С.А. Троицкого) [7; С. 66–75, 10; Р. 95–97]. Источником отчуждения выступает, прежде всего, власть и господствующая идеология, поэтому задачей философии и литературы является реактуализация вытесненных смыслов, метафор, образов, культурных топосов, преодоление забвения и, тем самым, деконструкция зон культурного отчуждения.

Современная культура выступает не только средством сохранения и трансляции ценностей, символов и смыслов (традиция), но и перманентного переформативирования культурного поля, вытеснения и маргинализации одних культурных ценностей и, наоборот, реактуализации других. Таким образом

культурная ситуация воспринимается как дуальная структура, как противостояние общепринятого (культурного мейнстрима) и маргинализованного культурного опыта. Их диалектическое противостояние и определяет динамику культурных процессов, а также иерархию культурных явлений: от официальной культуры, до андеграунда. Однако мейнстрим не всегда совпадает с официальным полюсом культуры. Культурное пространство не равномерно; оно ценностно градуировано (не всегда официальное искусство обладает ценностным и смысловым превосходством) и различно по степени интенсивности протекающих процессов. Интенсивность же культуротворческой деятельности является показателем смыслового превосходства. Порождение смыслов не зависит от принадлежности к полюсу официальной культуры. Характеристикой мейнстрима как раз и является востребованность и признанность культурных ценностей. Однако за пределами мейнстрима, на периферии культуры остается значительный пласт культурных практик, смыслопорождающих механизмов и уже сформировавшихся культурных ценностей, которые по той или иной причине не востребованы современной культурой или идеологически репрессированы. Какие-то периферийные смыслы, вероятно, обречены на «отмирание», но значительная их часть может быть реактуализирована [4; С. 76–85, 5; С. 30–40]. Более того, даже их критика со стороны официальных форм культуры, третирование, высмеивание, опровержение и т. п. удерживает их в актуальном пространстве культуры. Таким образом, противостояние мейнстрима и культурного архива представляет собой интерференцию, взаимное наложение смыслов, способное существенно менять и даже искажать пространство интерпретаций. Даже сквозь монолит мейнстрима просвечивает презираемый и попираемый им периферийный антипод.

Структуру пористых культурных форм хорошо поясняют пограничные явления культуры. Анализ пограничных культурных явлений, складывающихся на стыке нескольких культурных традиций, обусловленных взаимными влияниями, заимствованиями и т. п. позволяет проследить не столько механизмы отчуждения, сколько гибридизации культуры. Конечно, в случае заимствований и взаимных влияний часть культурного опыта отбрасывается и даже изолируется, но она воспринимается не как маргинальный горизонт культуры, а как «чужое», лишенное содержания и в смысловом отношении бесплодное. Символом отчужденного здесь будет не граница, а пустота. Встреча культурных традиций может положить начало новому творческому синтезу, привести к формированию культурного симбиоза, но может породить и культуроборческую химеру, способную только на агрессивное вытеснение, маргинализацию смыслов, но не приводящую к новому культурному синтезу [6; С. 86–101].

Изучения требуют не только механизмы «зон культурного отчуждения», воспроизводимые идеологическими системами, но и обратные процессы реактуализации маргинализованного культурного опыта, преодоления забвения, представленные практикой философской рефлексии и литературой. Смена культурных парадигм, проходивших в XX в., позволяет проследить

действие механизма забвения актуальных прежде элементов культуры и припоминания того, что было вытеснено (утрата, забвение, мемориальная консервация и т. п.). Изучение зон культурного отчуждения, механизмов их формирования и деконструкции дает возможность нового описания и лучшего понимания культурных процессов. Нормальным механизмом функционирования культуры становится не только сохранение и воспроизводство ценностей (традиция), но и перманентное перефоратирование культурного поля, «отчуждение» (маргинализация) одних культурных ценностей в пользу других. Из культурной памяти стираются или вуалируются определенные значения, смыслы, события, метафоры, целые культурные топосы и т. п. Специфика этих процессов не определяется простым дуализмом общепринятого (мейнстрима) и вытесненного культурного содержания [1; С. 183–206, 2; С. 1783–1793]. Взаимодействие доминирующих социокультурных форм и зон культурного отчуждения опосредуется зоной пограничья, где культура развивается на грани дозволенного и табуированного, запрещенного и допустимого, забвенного и конъюнктурного. Пограничью принадлежат и контактные зоны, в которых происходит встреча разных культур. Существование на стыке культурных традиций, межкультурье далеко не всегда происходит бесконфликтно.

Исследование зон культурного отчуждения и пограничья требует междисциплинарного подхода, опирающегося на методы сравнительно-исторического, генетического, культурно-исторического, дискурсивного, историографического, социокультурного анализа и др., позволяющих концептуализировать понятия «зон культурного отчуждения» и «пограничья». В качестве теоретико-методологического подспорья используются достижения постколониальной критики (Э. Саид), исследования пространства культурной инфильтрации, топосов интеркультурации, культурной гибридизации (Х. Бхабхи, Э. Соджи), трансформации поливалентной культуры в «третье пространство» – пространство культурного отчуждения (М.Л. Прэтт), концепция культурного архива (Б. Гройс), историография и культура памяти (Я. Ассман), описание топосов ресемантизации и ресиомитизации (Р. Лахман), дискурсивный анализ (М. Фуко), концепция «стигмы» (И. Гофмана) и «*homo sacer*» (Д. Агамбена).

В качестве примера изучения проблемы соотношения центра и периферии можно привести идеологию и движение областничества XIX в., которое следует рассматривать в широком контексте общественных движений (сибирское областничество, украинофильство, западноруссизм, российское областничество, казачий автономизм и др.) [9; С. 43–205]. Областническая теория была первым опытом постановки вопроса о региональной идентичности. Отдельные аспекты областнической теории, сложившейся в 1860-е – 1870-е гг. до сих пор не утратили своего значения и актуальности. Прежде всего – это проблема отношения центра и провинции, как ее рассматривали област-

ники. Предлагаемые ими меры по формированию и поддержке местной интеллигенции, развитию регионального самосознания и самодеятельности народа, анализ негативных последствий оттока молодёжи из провинции [3]. Представляет интерес и программа областников в отношении инородцев (подъем национального сознания коренных народов посредством формирования национальной интеллигенции, развития национальной культуры, литературы и т. д., создание национальных автономий, итоги и перспективы метисации населения, как способа формирования областных типов русского народа). Областническая теория включает в себя социологию истории, социологический анализ этно-культурных областных типов, теорию локальных цивилизаций и исследование «культур переходного типа». Политическая программа областничества опирается на последовательное проведение принципов федерализма, децентрализации и культурного автономизма [8]. Практическая деятельность и исследования областников были связаны с регионами межнациональных взаимодействий и цивилизационных контактов, поэтому цивилизационное единство областники воспринимали как плюралистическую этно-культурную целостность. Областные различия возникли не только вследствие межэтнических контактов, но и явились результатом природно-климатического, географического разнообразия территорий. Исторический материал дает основание для социо-культурной критики власти, существующих моделей господства, концепции культурного доминирования. Механизмы зон культурного отчуждения, используемые в качестве инструмента политического подавления и господства, приводят к обеднению культурного содержания, ограничению культурных практик, примитивизации жизни, смысловой инфляции человеческого существования.

Вместе с этим, предлагаемый язык описания культурных процессов имеет более широкое методологическое значение. Так понятие «границы» может плодотворно использоваться для уяснения пространственных характеристик социо-культурных явлений. Пространственная интерпретация границы содержательно раскрывается при анализе социально-политической реальности (государства), включающего признанные или спорные границы в качестве фиксации своей территории. При этом надо учитывать, что границы государства могут меняться, но при этом его «сущность» (смысловая определенность, культурная, национальная, цивилизационная идентичность) сохраняется. В этом отношении граница государства представляет собой подвижный фронт, пульсирующий «вокруг» центра (столицы). Культурологическому истолкованию поддаются такие «административные единицы» как край и область, презентующие региональные культуры и диалектически проводящие границы (центр vs провинция) внутри более крупного цивилизационного целого.

Социальная разметка культуры также предполагает структурообразующий мотив границы, предусматривающий деление общества на страты, классы, касты, сословия, состояния. Социальный статус означает не только определенное «место» в структуре общества, но и приобщение к культурным ценностям, принятым в социальной группе. Здесь наличие границы указывает на существование социального порядка, градацию, а, порой, и иерархию культурных ценностей. Понятия «массовой» и «элитарной» культуры лишь отчасти отражают существующую социальную стратификацию. «Перемещение» культурных ценностей является одной из форм социальной мобильности.

Временное истолкование границы расширяет ее смысловые акценты, связанные с характеристиками подвижности, изменчивости (фронтир, социальная мобильность): переход, перенесение границ, преодоление границ. Здесь граница выступает условием необратимости процессов, дискретности времени. Время человеческой жизни отмеряется периодами возрастов. Астрономические циклы обретают свое культурное измерение в мифах и ритуалах. Проблематика границы на теоретическом уровне актуализируется в спорах о пределах культурно-исторических эпох. Рассуждения о ценностно окрашенном историческом и социальном времени оказываются продолжением «дискурса сущности», в котором смысловая определенность сущего изъясняется как культурное тождество и цивилизационная идентичности. Даже феноменологический извод сознания в категориях интенциональности и темпоральности посредством метафоры горизонта вводит проблематику границы.

Ценностное измерение границы отражается в понятиях формы (в том числе и в значении аристотелевской «первой сущности»), нормы, канона. Ценность прекрасного означает, прежде всего, оформленность, т. е. отделенность на фоне «другого». Этические нормы задают ту же «форму» поведения. Иными словами, принудительность норм устанавливает пределы дозволенных действий вне зависимости от того, являются ли эти пределы навязанными извне (нормы морали) или представляют собой внутреннюю силу чувства долга. Культурные ценности точно также проявляют себя на фоне того, что ценностью не обладает, играя на гранях того, что признается в качества канонов и образцов. Значение творчества состоит в возможности преодоления существующих границ (норм, канонов, образцов, форм), но не в отрицании их. Творческая деятельность «отодвигает» границу, показывая, что за пределами «нормальной культуры» находится не «иное», а контекст, т. е. «вторая граница». Творчество приводит к «расширению» смысла, указывает пути, каким образом «иное» преобразуется в инобытие культуры, вне которого размывается любая культурная форма.

Экзистенциально-психологическое значение границы проявляется не столько в «нормальных», сколько в «предельных», «переходных» и даже «измененных» состояниях сознания. Определение нормы задается здесь о-

пределением ее посредством указания на то, что нормой не является. Реальность границы дается в переживании самого перехода, т. е. «транса». Экстатические состояния, сильные переживания демонстрируют реальность абсолютного иного – смерти. Именно перед лицом смерти проясняется смысл границы как смысловой определенности, как смысла самого смысла, как сопротивления утрате самого себя, растожествления. На фоне абсолютного иного трепетание смысла кажется подлинным чудом. Пограничное состояние, стояние на грани – это не крайняя форма человеческой экзистенции, а ее единственное подлинное бытие, поскольку только на этой границе происходит преобразование абсолютного иного в смысловую определенность.

Универсальность понятия границы, однако, не означает, что оно является универсалией, т. е. общим понятием. Граница – ориентационное понятие, позволяющее нам мыслить отношения. Собственно говоря, безграничное не поддается осмыслению, с беспредельным невозможно «иметь дело» как со смыслом. Смысл – определенность. Сам метод нашего мышления состоит в расчерчивании сущего, отделении одного от другого. Познание сущего сводится к его разграничению и ограничению, вне зависимости от того, как мы называем эту процедуру: анализом, классификацией, демаркацией, исчислением и проч. Обладающее обозримыми пределами бытие более комфортно для существования, чем пребывание в неизвестной бесконечности. Мыслить удобнее порциями и долями, также как жить – в мире форм и норм. Граница – это интеллектуальная уловка, примиряющая нас с бытием и ставшая для человека своеобразным методологическим априори. Граница помогает человеку осознавать свою посюсторонность, создает иллюзию смысла, потому что «с той стороны» – человек слаб и конечен. Граница скрывает наше бессилие перед пространством, временем, ценностным бытием. Граница в этом смысле даже не понятие, пусть и ориентационное, а мифологическая конструкция, символизирующая извечную борьбу порядка и хаоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский А.И. Кто взойдет на гору Господню? Польша Россия и Украина в свете мессианской идеи. // Вече: альманах русской философии и культуры. 2015. № 27.
2. Бродский А.И. Травма и конструкция в национальном самосознании На материале истории восточноевропейских евреев конца XIX – начала XX века // Философия и культура. 2015. № 12.
3. Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та – 2010. – с. 186.
4. Овчинникова Е.А. Этика и идеология: сценарии взаимодействия в русской культуре (XVIII – первая половина XIX века) // Новое Литературное Обозрение. № 133. 2015.
5. Овчинникова Е.А. Мораль и этическая теория в отечественной культуре пореволюционного периода (20-е гг. XX века) // Studia Culturae. 2016. Выпуск 4 (30).
6. Троицкая А.А. Актуализация и деактуализация искусствоведения: опыт Института истории искусств // Новое Литературное Обозрение. № 133. 2015.

7. Троицкий С.А. Проблема терминологической точности при изучении зон культурного отчуждения // Новое Литературное Обозрение. № 133. 2015.
8. Философско-идеологический дискурс народничества и областничества в зеркале отечественной науки XXI в.: сборник материалов всероссийской с международным участием (заочной) научно-практической конференции. 18 октября 2011 г. / под ред. А.В. Головинова, А.В. Малинова. – Барнаул – Санкт-Петербург: Изд-во «Сизиф». – 2011. – с. 106.
9. Studia culturae. 2016. Выпуск 1 (27).
10. Troitsky S., Begun B., Voloshuk E., Chertenko A. Strategies of studying zones of cultural exclusion // Modern Studies of Russian Society: A collective monograph. Helsinki: Unigrafia, 2014.

TRANSLIT

1. Brodskij A.I. Kto vzojdet na goru Gospodnju? Pol'sha Rossiya i Ukraina v svete messianskoj idei. // Veche: al'manah russkoj filosofii i kul'tury, 2015. № 27.
2. Brodskij A.I. Travma i konstrukcija v nacional'nom samosoznanii Na materiale istorii vostochnoevropskikh evreev konca XIX – nachala XX veka // Filosofija i kul'tura. 2015. № 12.
3. Oblastnicheskaja tendencija v russkoj filosofskoj i obshhestvennoj mysli: K 150-letiju sibirskogo oblastnichestva / Otv. red. A.V. Malinov. SPb.: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2010.
4. Ovchinnikova E.A. Jetika i ideologija: scenarii vzaimodejstvija v russkoj kul'ture (XVIII – pervaja polovina XIX veka) // Novoe Literaturnoe Obozrenie. № 133. 2015.
5. Ovchinnikova E.A. Moral' i jeticheskaja teorija v otechestvennoj kul'ture porevoljucionnogo perioda (20-e gg. HH veka) // Studia Culturae. 2016. Vypusk 4 (30).
6. Troickaja A.A. Aktualizacija i deaktualizacija iskusstvovoznaniya: opyt Instituta istorii iskusstv // Novoe Literaturnoe Obozrenie. № 133. 2015.
7. Troickij S.A. Problema terminologicheskoj tochnosti pri izuchenii zon kul'turnogo otchuzhdenija // Novoe Literaturnoe Obozrenie. № 133. 2015.
8. Filososfsko-ideologicheskij diskurs narodnichestva i oblastnichestva v zerkale otechestvennoj nauki XXI v.: sbornik materialov vsrossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem (zaochnoj) nauchno-prakticheskoj konferencii. 18 oktjabrja 2011 g. / pod red. A.V. Golovinova, A.V. Malinova. Barnaul – Sankt-Peterburg: Izd-vo «Sizif», 2011.
9. Studia culturae. 2016. Vypusk 1 (27).
10. Troitsky S., Begun B., Voloshuk E., Chertenko A. Strategies of studying zones of cultural exclusion // Modern Studies of Russian Society: A collective monograph. Helsinki: Unigrafia, 2014.